

Герман Шелков

ХОРОШО

И

ПЛОХО

БЫЛО

ЖИТЬ

В

СССР

1

Герман Шелков

**Хорошо и плохо было жить
в СССР. Книга первая**

«Телеграф»

2016

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шелков Г.

Хорошо и плохо было жить в СССР. Книга первая / Г. Шелков —
«Телеграф», 2016

ISBN 978-5-902845-20-1

Люди, жившие в СССР, каждый по-своему, но с поразительной искренностью рассказывают о советской стране – о дворах, детстве, семье, занятиях, работе, взаимоотношениях и о многом прочем из своей повседневной жизни.

УДК 821.161.1-32 Шелков
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-902845-20-1

© Шелков Г., 2016
© Телеграф, 2016

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Герман Шелков

Хорошо и плохо было жить в СССР. Книга первая

Эпизоды курения и употребления спиртного в тексте являются неотъемлемой частью описываемой в книге эпохи.

Все совпадения случайны.

Предисловие

Автор выражает признательность своим случайным попутчикам Сергею Валериановичу, жителю Сибири, и Ивану Степановичу, жителю Москвы, за подсказанную идею и надеется, что они прочтут эту книгу.

Однажды я весь день, ехал в поезде. Это была очень занимательная поездка. Нескучная, веселая и определенно полезная. Мои попутчики, Иван Степанович и Сергей Валерьянович, устроили спор и так увлеклись, что один раз перекричали грохот встречного поезда. Оба они были горожане лет семидесяти, но это не мешало им прыгать по полкам и устраивать возню, как подросткам. Никто из них не желал уступать – это, казалось, было для них совершенно невозможно. Между ними вышло три стычки. Но о чем же они спорили? О жизни в СССР. Один ее ругал, а другой нахваливал. При этом речь у них шла об одних и тех же вещах. Но только у Ивана Степановича эти вещи выходили хорошие, а у Сергея Валерьяновича – совсем никудышные и даже вредные. Они спорили без перерыва на обед, глотая лишь таблетки для сердца. Я весело смеялся, глядя на этих людей. В конце концов они помирились, сойдясь на том, что колбаса «Докторская» была все-таки очень приличная. И не просто помирились, а вместе отправились ужинать в вагон-ресторан. Но когда я пошел попрощаться с ними, оказалось, что до ресторана они не дошли, а снова бросились кричать и топать. И я снова смеялся, наблюдая, как эти подвижные старички набегают друг на друга. «Почему же вы опять нервничаете?» – спросил я и сразу же получил ответ: потому что оба не выносят лжи. Каждый из них, оказывается, говоря об одном и том же, выкладывал неправду. Впрочем, понятно, что неправдой Иван Степанович считал все сказанное Сергеем Валериановичем, а Сергей Валерианович все слова Ивана Степановича называл подлой ложью. Я пожелал им поскорее помириться и сошел на перрон. Больше я этих людей никогда не встречал, но стал думать о предмете их разногласий, и вскоре мне пришло в голову, что об этом можно написать книгу. А именно о том, что о жизни в СССР можно рассказывать совершенно по-разному. И я стал спрашивать бывших жителей Советского Союза и услышал много абсолютно противоположных любопытных историй.

Герман Шелков

Книга первая

– Да уж, не называйте конкретных городов, потому что везде было плохо! – отвечал Сергей Валерианович.

Мария Ко – рская, 1964 года рождения: «Наш двор – лучшее, что было в моем детстве, люблю его вспоминать. Дома были желтые и песочного цвета, с красивыми маленькими балконами на фасаде. Мы их называли «балкончики».

Стеклить их не разрешали, потому что они выходили на большую улицу, запрещали хранить громоздкие предметы, а только мелочи. Квартиры были не маленькие, не большие, а средние. Потолки были высокие, двери двойные. Открываешь входную дверь, а за ней еще двери. Почему так – не знаю.

В каждой квартире был паркет, и так во всех трех домах, которые образовали наш двор. Все друг с другом здоровались, на лестнице, в лифте и вообще везде. Нас, детей, учили говорить «здрасьте», объясняли, что это вежливо. Моя мама учила нас с братом, чтобы мы пропустили вперед старших, открывали бабушкам и дедушкам дверь в подъезд, бросались поднимать ключи, перчатки, если те их уронят.

Двор был проходной, а не глухой, и летом, и зимой через него была тропа-дорога. Но грязно не было. На земле ничего не валялось. Ни жители нашего двора, ни прохожие не мусорили, даже окурки не бросали. Проявляли сознательность. Дворников было двое, муж и жена, оба пожилые. Как их звали, не помню. Работали в фартуках, в рукавицах, то с метлами, то с лопатами. Автомобилей было мало, собак-кошек тоже. Детей тоже проживало немного, всего, кажется, пятнадцать или чуть меньше.

В одном из наших трех домов находилась детская библиотека, и мы, естественно, в нее ходили. Приходишь со школы, дома никого нет, обедаешь, пьешь чай, ешь булку с вареньем, делаешь уроки и – в библиотеку. Мой брат был старше меня на три года и посещал спортивную секцию. Уходил в два часа и возвращался вечером. А я встречалась в библиотеке с другими детьми из нашего дома, потому что они тоже туда приходили. Мы учились в разных школах и классах и виделись только во дворе и в библиотеке.

Мы, дети, почти все дружили. Ходили друг к другу в гости. Я могла пригласить сразу троих или даже пятерых, и тогда мама всех нас угощала, подавала чай и конфеты. Так же поступали другие мамы из нашего двора.

В библиотеке, в читальном зале, мы садились за дальние столы, брали книги о животных или детскую энциклопедию. Мы знали, как нужно себя вести и всегда говорили только шепотом. Нас никогда ни за что не ругали. Потом мы шли во двор и разговаривали о книгах – о том, кто что прочитал. Среди нас был один мальчик, у которого была страсть к выдумыванию, и он постоянно выдумывал различные сюжеты и истории. Рассказывал бурно: то прыгал, то скакал, то размахивал руками и дергал ногами. И все-таки было интересно. Я думала: кем он станет, когда вырастет? Он стал врачом-кардиологом. Перестал выдумывать, сделался солидным и серьезным человеком.

Детская площадка в нашем дворе была крошечная, на ней играли только малыши.

Мы, которым было от восьми до одиннадцати лет, собирались на широкой лавке посередине двора. Утром, когда мы были в школе, на ней сидели дедушки и бабушки. Вечером наша лавка ждала нас.

Все дети были положительные. Учились хорошо. Одежду носили аккуратно и содержали ее в чистоте. Плохих детей не помню. Ни ватаг мальчишек постарше, курящих или сыплющих нехорошими словами, ни компаний с гитарами в нашем дворе никогда не видела. Старшие мальчики и девочки посещали Дом пионеров, спортивные школы и кружки.

Зимой всегда обильно выпадал снег, но его не убিরали и не вывозили, а собирали в кучу. Всякий день она росла и в конце концов превращалась в гору. Вот была нам радость! Мы катались с этой горы на санках, рыли в ней пещеры. Так делали все дети советской поры. То время мне нравилось. Было спокойно и хорошо. Мы росли здоровыми, вежливыми, воспитанными, много читали, многое стремились узнать. Наш двор был нашим другом.

Когда мы подросли, уступили нашу лавку подросшим малышам. Теперь они ходили в детскую библиотеку, а потом шли во двор и разговаривали о том о сем, пока их не звали домой.

С четырнадцати лет я перестала посещать детскую библиотеку, но она до сих пор со мной – в моей памяти. И мой двор тоже.

Я ходила к подругам, иногда мы с подружкой ходили к мальчикам, но не к тем, кто был с нами на нашей лавке, а к другим, из нашей школы. И хотя наша «лавочная» компания распалась, все мы сохранили о ней самые лучшие воспоминания.

Впоследствии, когда я выросла, мне пришлось уехать на жительство в другой город. Много времени я не бывала в нашем дворе. А когда, наконец, я пришла в наш двор, он показался мне очень маленьким. Лавки нашей уже не было. Всюду стояли машины. Дома постарели и потеряли вид. Многие балкончики со стороны улицы застеклили. Чужие, незнакомые люди выходили из нашего дома и входили в него. Зайдя в наш подъезд, я с горечью обнаружила, что он грязный и неуютный. А в мое время на любой ступеньке лестницы можно было сидеть, как на лавке.

О стране СССР я скучаю, как о хорошем, добром и единственном друге. Иногда мне хочется все бросить и вернуться назад, в Советский Союз. Но вот беда – это невозможно. Очень жаль – порой даже до слез».

Анна Ре – кова, 1964 года рождения, жительница того же города, что и Мария Корская: «Наш двор был недалеко от рынка и автовокзала. То, как мы жили, я могу назвать только дьявольщиной. Наверное, мы были прокляты. Но за что?

Три наших трехэтажных дома послевоенной постройки образовывали глухой двор, и мимо него лежал самый короткий путь к автовокзалу и рынку. И все ходили к нам «в туалет». К нам ходили «по-большому» и «по-маленькому», тошнить, выбрасывать мусор или испорченную еду. Люди на ходу выворачивали свои сумки, авоськи, мешки и рюкзаки, и остатки пищи, отходы, яичная скорлупа, корки, кости и очистки валялись в нашем дворе повсюду. Сюда вели и несли детей – под деревья, самых маленьких папаши и мамыши держали на вытянутых руках, пока они справляли естественные надобности, а ребятишкам постарше приказывали: «Сходи сейчас, а то в автобусе замаешься, а там туалета нету, и никто на дороге останавливаться не будет!»

У нас «присаживались» бабуси и дедуся, студенты, солдаты и даже на вид интеллигентные люди в очках. Мы жили как будто в общественном туалете, и у нас, у советских детей нашего двора, наши же советские люди украли двор, а заодно и нормальное детство. У меня до сих пор перед глазами стоят разбросанные по всему двору обрывки газет, которые использовали как туалетную бумагу. Понятно, что мы, дети, никогда не играли в нашем дворе – это было немыслимо. Мы уходили подальше. Моя мама, я думаю, оттого и помешалась, что много лет выскакивала из подъезда и кричала людям: «Что же вы делаете! Ведь мы здесь живем!» Все жители в нашем дворе были угрюмые, задумчивые, с недовольными лицами. Еще бы: как тут радоваться жизни?

Крича, мама иногда надрывала голос. Она совсем издергалась. У нее были тик и бессонница. Другие жители тоже выскакивали или орали из окон и с балконов, грозили, но ничего не действовало. Все это была чепуха. Люди решили, что наш двор – уборная, и делали то, зачем пришли. Но почему они так поступали? Конечно, потому, что в СССР общественные туалеты

были известной проблемой. Их было так мало, и содержали их в таком ужасном состоянии, что советские люди не могли на них положиться.

Моя мама говорила, что мы в СССР живем как в Средневековье. А нам в школе говорили, что мы живем в самой прогрессивной стране мира и самой светлой. Люди у нас самые сознательные. Добрее советских людей на свете нет, не бывает душевнее и сердечнее. Обойди земной шар хоть сто раз и сто раз убедишься, что только в Советской стране проживают самые лучшие люди. Мы, советские, всех жалеем – всех угнетенных на всех континентах, всех борющихся за свои права, и всех, кто трудится. А моя мама продолжала выскакивать во двор, и ее никто не жалел.

Иногда она гневалась, иногда умоляла: «Пожалуйста, ну поймите нас! Ведь у нас тоже маленькие дети!» Иные люди стеснялись и убегали, некоторые злились, кричали в ответ. Никто никогда не извинялся. Некоторые, наоборот, выходили из себя. Пьяные бросали в маму мусор, пару раз ее ударили. И однажды пришел день, когда она перестала выбегать во двор. Ее охватило странное безразличие.

Маму я запомнила замкнутой, неулыбающейся женщиной, которая пожертвовала уютом и покоем в пользу естественных надобностей наших советских граждан. Такую же жертву принесли все остальные жители нашего дома.

Когда я подросла, я узнала, что многие наши соседи годами писали письма властям, в газеты и на телевидение, но помощь так и не пришла. Еще я узнала, что все мечтали поменять свою квартиру и переехать в другой район. Это было невероятно трудно, так как те, кто приходили по объявлению, в ужасе покидали наш двор. Ах, это так понятно! Моя мама тоже пыталась перевезти нашу семью в другой район города, но у нее ничего не вышло.

Но разве на автовокзале и на рынке не было туалетов? Были! Однако наши советские люди почему-то не принимали это в расчет. Некоторые, наверное, не знали, что туалеты всегда готовы их принять, в любую минуту. Иные торопились на автобус, отправляющийся в другой город или в какое-нибудь село, и справляли естественные нужды там, где, как им казалось, попало по дороге первое подходящее место.

И вот что удивительно: у нас был дворник, но он убирал только утром и поверхностно – он, видимо, считал свой труд бесполезным. То есть однажды он убедился в этом и убеждение не поменял. И, похоже, люди его навсегда разочаровали, потому что он редко с кем разговаривал. И часто он работал пьяный. Уже к полудню в нашем дворе было очень грязно.

Мне противно вспоминать наш двор в любое время года, к примеру, зимой, когда все вокруг бело. Или осенью, когда идут дожди. Или весной, когда сходит снег. И вот что я скажу еще: с той поры, с детства, у меня странный рефлекс – я всегда гляжу под ноги. Боюсь наступить сами понимаете на что.

Но какова же основная причина такого нехорошего, равнодушного и упрямого поведения советских людей? Когда я стала взрослой, я все поняла. Конечно, отсутствие религиозного воспитания. Ведь наша великая христианская религия учит: не желай ближнему своему того, чего не желаешь себе, поступай с ближним так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой. Но советские люди жили по другим заповедям. У них не было страха перед Богом. И вот к чему это привело. Они вредили ближним своим и никого и ничего не боялись. Думали в первую очередь о себе.

СССР я не люблю, не хочу обратно ни за какие коврижки. Люди были равнодушные, недобрые, не имели сострадания. Моя мама помешалась и стала инвалидом. А у меня не было полноценного детства. Что тут хорошего?»

Евгений До – ский, 1961 года рождения: «Мой двор был большой – три девятиэтажных дома и в каждом по два подъезда. Во дворе – детская площадка, площадка для волейбола,

гаражи и место для сушки белья – там торчали столбы и между ними натянуты веревки. Лавки, газоны, деревья. Обычный двор в СССР, и обычная спокойная, милая и уютная жизнь.

Грязи не помню. Мусор не валялся. Пьяные люди не бродили, хулиганство случалось только мелкое, из озорства. Все мальчишки шалят, шалили и мы – напишем что-нибудь мелом на гараже, не ругательство, а что-нибудь вроде: «Здесь под землей лежит клад, берите кто хотите». Люди читали, улыбались. Ребята постарше играли в волейбол, некоторые ездили на мопедах. Помню, все они носили кепки, сдвинутые на лоб, даже летом. И присматривали за нами! Например, не позволяли баловаться спичками, а уж если замечали у нас папиросы или сигареты – отвешивали оплеуху, а табак забирали. Грозили кулаком: «Мал еще – легкие портить!» Отнимая табак, говорили: «А ну, отдай папаше!» При нас никогда не сквернословили – берегли наши уши и души, и мы, когда подросли, тоже так поступали.

Мы именно подражали старшим парням, перенимали их жесты, походку, манеры. Они казались нам взрослыми и умными, хотя им было по 15–16 лет. Впрочем, у некоторых из них уже росли усы. Усы были тогда в моде. Мы, мальчишки поменьше, мечтали стать усачами. Мечтали и о таких же расклешенных брюках и клетчатых рубашках. Когда у меня появились первые приличные «клеши», я был счастлив. Что тут говорить? Мы делали все, как наши старшие ребята. При девочках никогда не ругались. Реагировали на замечания всех взрослых – будь они из нашего дома или вовсе незнакомые. Если какой-нибудь взрослый человек просил об услуге – перенести что-нибудь, поднять, помочь погрузить, не помню, чтобы кто-то отказывался. Наоборот, мы были рады, что нас задействуют и похвалят.

Жили дружно. Многим делились. Если кто-то выносил во двор бутерброд, его делили на всех. Все приятели откусывали по очереди. По-моему, все так жили в Советском Союзе. У нас не было той глупой строптивости, которой отличались наши сверстники в капиталистических странах. Об этом нам часто рассказывали в школе. Говорили, что такие же подростки, как мы, в США или Великобритании все делают наперекор взрослым, перечат им во всем, не слушают никаких советов, дерзят и все поголовно пьют спиртное и курят. И поэтому у многих из них нет никакого будущего. Не знаю, так ли это было на самом деле насчет спиртного. Может быть, подростки в Америке или Англии и пили, а мы – нет. В нашем дворе редко кто из старших ребят бывал пьяным. За все время, кажется, был только один такой случай. Кто-то выпил портвейну то ли на чьей-то свадьбе, то ли на проводах в армию. И мы тоже не тянулись к спиртному. Не слышал, чтобы кто-то предлагал: «Давай выпьем!» Даже пива не пили, не то что портвейна или водки. И даже уходя на армейскую службу.

Ах, хорошо помню, как старшие ребята отправлялись служить в войска – нашей Родине! Они отдали нам свои часы, значки, кепки и кеды. Улыбались и говорили: «Ну, подрастай скорее!» Это был, безусловно, особенный момент. Мы завидовали им и мечтали поскорее вырасти и тоже пойти служить – на флот, в танкисты или в пограничники. Старшие ребята передали нам как бы дежурство по нашему двору, и мы его приняли. Присматривали за теми, кто помладше, не позволяли им курить, баловаться, обижать слабых. И они нас слушались.

Мне нравилась мода на соломенные шляпы с тесемкой, на манер ковбойских. Мы раздобыли их и ходили подряд два или три лета. Но чаще такую соломенную шляпу носили не на голове, а за плечами между лопаток – она болталась там, а тесемка была на горле. В волейбол мы почему-то не играли, зато увлеклись гитарами. Разучивали всякие песни, медленные, быстрые, шуточные и лирические, но пошлых или уголовных песен не было. Уголовная романтика обошла нас стороной, и я этому очень рад.

Когда старшие ребята стали возвращаться из армии, мы встречали их с восторгом и трепетом. С восхищением слушали их рассказы и частенько дрожали от волнения. Перед нами были окрепшие, возмужавшие парни, прошедшие огонь и воду. Именно так мы и представляли себе армейскую службу – огонь и вода. Рассказов было много. И мы тоже рассказывали, потому что ребята требовали у нас отчета – все ли в порядке в нашем дворе, пока они отсут-

ствовали. Все мы получили от них подарки – солдатские ремни, кокарды, пилотки. Фотографии из армейских альбомов завораживали нас, как приключенческое кино. «Скорее бы забрали в армию!» – стонали мы. Это были искренние порывы: каждый из нас действительно мечтал поскорее стать солдатом.

Потом эти старшие ребята завели себе девушек и оставили наш двор. Многие пошли работать на завод, переселились в заводское общежитие. У них началась взрослая жизнь. Наконец и нам стукнуло по восемнадцать лет, и мы стали прощаться с теми ребятами из нашего двора, которым было по пятнадцать-шестнадцать. Раздали им наши соломенные шляпы, значки, кеды, кто-то отдал гитару. «Ну, подрастай скорее!» – говорили каждому, вспоминая, как когда-то и сам слышал эти слова. Дежурство по двору перешло теперь к ним, и они его приняли.

Я попал служить в Забайкалье, в зенитный расчет. Стреляли из зенитки. Ходили в увольнение, покупали мороженое, обязательно шли на киносеанс. Служить в армии было интересно, это большая польза для развития личности. Вернувшись из армии, мы собрались во дворе и сыпали рассказами, но сначала вручили нашим младшим ребятам подарки – ремни, кокарды, пилотки. Помню, я строго спросил: «Ну, все ли хорошо в нашем дворе, пока мы служили?» Младшие ребята с гордостью отчитывались. И затем шептали: «Скорее бы в армию!»

Через три месяца я переселился в заводское общежитие. Впереди меня ждала длинная взрослая жизнь. Но и сейчас, до сих пор, сколько бы ни прошло времени, я мысленно бываю в нашем дворе – он возвращается ко мне в воспоминаниях. Я осматриваю наш двор и вздыхаю: все бы отдал на свете, чтобы вернуться! Но теперь я живу в другом городе, и жизнь нынче совсем другая. Сложнее и тяжелее.

СССР, безусловно, моя страна. Все было хорошо. Если бы мне сейчас сказали, что где-то отправляется поезд назад в СССР, я бросил бы все и побежал без оглядки. Я согласился бы даже бежать за этим поездом, лишь бы вернуться в мою страну, где я был счастлив».

Николай Ас – кин, 1962 года рождения: «Мой двор – это мое детство и юность, и если все взвесить, то плохого было куда больше, чем хорошего. Определенно! Злость, коварство, жадность и зависть, и самое подлое равнодушие. Вот что такое мой двор.

Я учился в первом классе, когда у меня впервые во дворе вывернули карманы. Мальчишки постарше остановили меня и попросту ограбили. Забрали простенький брелок, рогатку. До этого отнимали конфеты и пироги. Когда мама отправляла меня гулять во двор и давала еду – кусок пирога или яблоко, это всегда означало, что их отнимут. Но жаловаться было нельзя. Мальчишки постарше сразу предупреждали: «Нажалуешься, сбросим в канализацию!» Или пугали тем, что снимут и заберут штаны, и это увидят девочки. Мне было семь лет, а им десять и одиннадцать. В нашей компании семилетних-восьмилетних назревали такие же настроения. Мы мечтали грабить малышей и запугивать их. Однако больше всего мы стремились подражать тем, кого очень сильно боялись – старшим парням нашего двора, которым было по 14–15 лет.

Они курили, пили пиво, сквернословили, постоянно плевали в разные стороны и отнимали все что можно у ребят помладше. Я слышал их разговоры: где бы раздобыть денег на пиво, табак, портвейн, где бы что-нибудь украсть, кому бы навредить. Они повелевали мальчишками, которым было по десять и одиннадцать, посылали их разведать обстановку, а чаще всего – к магазину или кинотеатру, выпрашивать у прохожих деньги. Сами они болтались во дворе и ждали, когда им принесут горсть мелочи, по пять, десять и пятнадцать копеек. Лица у них были хитрые и злые, и мы, малыши, хотели быть такими же. Когда они видели кошку, хватали булыжник и швыряли. Стремилась убить животное. Поэтому бродячие кошки и собаки в нашем дворе редко встречались. Даже птиц было немного, а голуби и вовсе пропали. Их, наверное, перебили. Но эти старшие ребята ничуть об этом не жалели. Они мечтали обобрать

пьяного или украсть что-нибудь из открытого окна. Если пьяный был из нашего двора, они его не грабили, а развлекались. Опустошали бутылку с лимонадом, писали туда и предлагали пьяному: «Дядя Петя, хочешь лимонаду? Выпей. Освежает!» Иногда пьяный поддавался на эту уловку – и тогда компания, громко хохоча, бросалась наутек. Впрочем, недалеко. Высовываясь из-за угла, они кричали: «Ну, как лимонадик?» Пьяный в ответ всегда сильно ругался. А этим ребятам было от этого только веселее.

Другие их развлечения были еще хуже. Бывало, они возьмут рогатки, наделают пулек из алюминиевой проволоки, спрячутся в подвале и оттуда стреляют по ногам молодых женщин. Многие девушки и дамы в ту пору носили короткие юбки, короткие плащи и пальто. И вот они, эти женщины, вскрикивали и подскакивали от боли, и от неожиданности роняли сумки, сетки, а в них, в сетках и сумках, бывало, лежали бутылки с молоком и маслом. Понятно, что стекло разбивалось, жидкости разливались, а компания в подвале ликовала и стонала от восторга. Ведь их не было видно! Потом, во дворе, они долго и подробно это обсуждали. И мы, младшие ребята, считали эти выходы геройством и знали, что будем делать так же, когда подрастем.

Вечером, напившись пива, старшие шли к семейному общежитию и в темноте взбирались на деревья, чтобы подглядывать в окна. Все они надеялись увидеть половой акт. Через дыру в вентиляционном окне со стороны улицы подглядывали в душевые, где мылись женщины из семейного общежития. А по воскресеньям они шли на площадку, где шло строительство, и пока стройка была опустевшей из-за выходного дня, крушили и ломали все, что можно. Били стекла, вырывали рамы, поджигали доски, рубероид и смолу. Тыкали палки в смолу и делали факелы, но чаще писали этой смолой на стенах строящегося дома скверные слова, рисовали то, о чем вслух говорить не принято. Сторож выскакивал из своей будки и бегал за ними, а они его дразнили, бросали в этого человека кирпичи, стекла. Когда им надоедало, возвращались во двор и учили нас, ребят поменьше, курить и сквернословить. Заставляли делать глоток портвейна и глядели, что будет. Один мой приятель отхлебнул побольше и вдруг сильно опьянел. Сел на землю и стал смеяться. И так раззадорил компанию, что ему стали говорить: «А ну, покажи себя! Вынеси вон то стекло! Иди, разбей что-нибудь!» И мой приятель схватил кирпич и запустил в окно на первом этаже. Все, трясаясь от хохота, разбежались. А несчастные обитатели той квартиры, где разбилось стекло, выскочили и поймали моего приятеля. Смотрят, а он пьян! Десятилетний мальчик! Трясли, ругали паренька, а того затошнило. Дома его ждала расправа: отец сильно избил ремнем, потом еще избил мать. И он три недели не выходил из дома, бывал только в школе. Но старших ребят так и не выдал, потому что они бы ему жестоко отомстили. Скорее всего, раздели бы догола, а одежду сожгли бы, и он у всех на глазах метался бы по двору голый. Он это знал, и поэтому ни на кого не указал.

Когда мы подросли и стали грабить малышей, выворачивать их карманы, этот мой приятель поступал всегда очень жестоко – обязательно бил по затылку и заставлял опускаться на колени. И запугивал: «Смотрите у меня! Кто из вас проболтается – догола разденем! А то еще в канализацию сбросим и крышку задвинем!»

Наконец парни из компании самых старших достигли призывного возраста и получили повестки. Начались проводы в армию. Каждый из них напивался и буянил – считалось, что последнее застолье «на гражданке» должно быть бурным и настолько запоминающимся, чтобы о нем можно было рассказывать в продолжение всей жизни. Просто посидеть за столом в окружении друзей и близких считалось как будто неприличным. Нужно было непременно пойти пьяным на улицу, избить кого-нибудь или ограбить. Предполагалось, что пока избитый или ограбленный гражданин обратится в милицию, и начнутся розыски, преступник будет находиться уже на призывном пункте среди сотен таких же парней, и никому в голову не придет там его искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.